

ШЕСТОЙ ПЕРИОД

Ноябрь 1943 года: конференции глав государств в Каире и Тегеране

В преддверии конференций в Каире и Тегеране; ноябрь 1943 года

Последние абзацы американского протокола заключительного заседания конференции являются доказательством истинного согласия, царившего на Московской конференции.

«На закрытии Конференции министров иностранных дел в Москве г. Молотов тепло отозвался о сотрудничестве, которое установилось у него с министром и г. Иденом и к которому он в большой мере относил успех конференции.

Министр был уверен, что выражает чувства и г. Идена, говоря, что никогда не встречал лучшего примера профессионализма и сотрудничества, чем те, которые на протяжении всей конференции демонстрировал г. Молотов...

Г. Иден горячо поддержал министра и предложил, чтобы г. Молотов был избран постоянным председателем всех будущих встреч министров иностранных дел.

Конференция закончилась на этой ноте».

По окончании конференции был дан обед в Кремле. Сталин находился в веселом расположении духа. Он подшучивал над Молотовым, заявляя, что считал, что его министр иностранных дел несет ответственность за действия Чемберлена, но не думал, что эта ответственность целиком лежит на нем. Хэлл нашел, что Хозяин пребывал в великолепном душевном расположении вне зависимости от обсуждаемых тем, и особо подчеркнул, что Сталин одобрительно отзывался о необходимости сотрудничества.

Государственный секретарь пришел в восторг от возможности реального воплощения той мечты, за которую боролся еще Вудро Вильсон, – создание системы коллективной безопасности государств. Хэлл расценил подписание советской стороной Декларации четырех как отличное предзнаменование и знак грядущего сотрудничества по созданию справедливого и согласованного мира. С учетом этого и других проявлений доброжелательности со стороны советского правительства на него не произвело большого впечатления упорное желание русских напоследок привлечь внимание к отношениям с соседями. Хэлл был доволен, что Советский Союз не стал поднимать вопрос о послевоенных границах. Обладая невероятным оптимизмом, он полагал, что отсрочка в решении проблемы окажется весьма полезной, поскольку отношения между союзниками стали намного доверительнее, и Россия меньше внимания будет уделять пограничным вопросам.

Такими впечатлениями о результатах конференции Хэлл поделился с президентом и народом Америки. Его речь, произнесенная вскоре по возвращении на совместном заседании двух палат конгресса, явилась памятником его надеждам. Цитата напомним, насколько эти надежды были благородны и возвышенны: «По мере того как будут проводиться в жизнь условия Декларации четырех, отпадет необходимость в разделе сфер влияния, объединении сил и остальных экстренных мерах, существовавших в злополучном прошлом, когда государства вынуждены были беспокоиться о защите и обеспечении собственных интересов».

Одобрение конгресса и сообщения в средствах массовой информации показали, что американцы *хотят поверить* этим заявлениям и готовы сыграть свою партию: разделить со всеми бремя и опасности войны. Это решение продемонстрировал сенат, утвердив 5 ноября, в то время как Хэлл был еще только на пути домой, резолюцию

Коннолли, ранее (до отъезда Хэлла в Москву) проигнорированную палатой представителей, о том, что «Соединенные Штаты, действуя согласно конституции, объединятся со свободными и суверенными государствами для установления и поддержания международной власти, способной предотвратить агрессию и послужить делу мира во всем мире».

Результаты встречи произвели огромное впечатление и на Рузвельта с Черчиллем. Президент, не ссылаясь на особо понравившийся ему пункт в отношении вступления России в войну на тихоокеанском театре, охарактеризовал результаты конференции как «огромный успех». «Когда она началась, – продолжил президент, – появилось много циников, заявлявших: „Ну, они разойдутся во мнениях“ и „Там будет царить атмосфера подозрительности. и они ничего не достигнут“». Но конференцию отличала поразительно доброжелательная атмосфера. Я считаю, что огромная заслуга в этом принадлежит господину Хэлли, и поровну – русским и британцам. В таких случаях в старину на флоте бывало выражение „счастливые корабли“».

В послании Гарриману Черчилль назвал результаты встречи «потрясающими», и сообщил на званом завтраке у лорда-мэра, 9 ноября, что «мы приветствовали результаты Московской конференции...», и назвал «крайне важной» Декларацию четырех.

Надо сказать, что в официальных кругах не все были столь оптимистично настроены. К примеру, Гарриман, Бохлен и другие должностные лица в Государственном департаменте были обеспокоены событиями в России. Гарриман, имевший возможность наблюдать за происходящим на протяжении всей конференции, не был уверен, что удалось достигнуть чего-то значительного. Он считал, что государственный секретарь с его искренностью, энтузиазмом и преданностью идеалам международного сотрудничества делал ставку на разум Сталина и его окружения, что в конечном итоге должно было привести к уменьшению их подозрительности, к совместным поискам решения по возрастающим проблемам. Гарриман считал, что советское правительство будет взаимодействовать с американцами только в том случае, если его устроят проводимые Западом военные операции; война по-прежнему занимала все мысли Гарримана. Кроме того, он был обеспокоен тем, что в результате требования русской стороны о признании границ, установленных в 1941 году, может возникнуть недоразумение в отношениях с соседями. В личном послании к Черчиллю Гарриман написал: «Тем не менее мы не можем брать на себя слишком много». Он задавался вопросом, не повторится ли печальная история, связанная с выступлением Чемберлена, после его возвращения из Мюнхена.

Все, что Сталин и его окружение говорили относительно конференции, можно принять и за подтверждение надежд, и как предостережение. В речи, произнесенной 6 ноября, Сталин упомянул решения Московской конференции как яркое доказательство крепнущих отношений и общности взглядов союзников. В советской официальной прессе печатались огромные восторженные статьи. А вот беседа Литвинова с представителями Объединенных Наций в Москве, без предварительного уведомления американских и британских официальных лиц, должна была широко оповестить союзников о важности для СССР некоторых положений, как то: советские границы неприкосновенны и охраняются только Красной армией, британцы и американцы не возражают против безоговорочной капитуляции немецких сателлитов.

Основанием для этого, скорее всего, явился тот факт, что ни Хэлл, ни Идеи не выразили неодобрения в адрес заявления, сделанного Молотовым 25 октября. Присутствовавший там Гарриман позже сказал Литвинову, что его заявление о безоговорочной капитуляции Финляндии может создать впечатление, будто американское правительство присоединилось к заявлению Молотова, а это, как понимает Литвинов, не так и может негативно отозваться в Соединенных Штатах.

Московская конференция открыла великолепные перспективы в отношении будущего сотрудничества, и Рузвельт, как и Черчилль, с нетерпением ждал встречи со Сталиным. Перед началом заключительного этапа в войне с Германией переговоры с

целью выработки согласованных военных действий приобретали существенное значение. Кроме того, существовала вероятность достигнуть соглашения по нерешенным вопросам, таким, как польский, и продолжить военное сотрудничество в мирной жизни.

Рузвельт был уверен, что может установить со Сталиным такие же сердечные отношения, как с Черчиллем, и их сотрудничество приобретет откровенный и дружеский характер. Президент решил попробовать это не из тщеславия, как часто предполагают, а в какой-то мере из любопытства. Но главное, Рузвельт считал, что в будущем мире советскому диктатору следует знать о нас больше и, соответственно, больше нам доверять.

Несмотря на обширную переписку в отношении времени и места встречи, к моменту Московской конференции министров иностранных дел вопрос встречи трех глав правительств так и не был решен. В послании от 20 октября Сталин подробно объяснил президенту, почему он не может отправиться в любое другое место, из предложенных Рузвельтом и Черчиллем, дальше Тегерана. Все его коллеги считают, писал он, что ему следует лично руководить военными операциями. Кроме того, по мнению Сталина, условия в Тегеране, безопасность, секретность и тому подобное, гораздо лучше, чем в любом другом месте. Рузвельт был разочарован. Как он объяснил в ответном послании Сталину, поездка в Тегеран вызовет серьезные проблемы у него и его коллег. Из-за окружающих Тегеран гор существует риск задержки самолетов, доставляющих документы, требующие подписи президента. «Я должен с сожалением сказать, что не могу отправиться в Тегеран. Члены моего кабинета и руководители законодательных органов полностью со мной согласны». Вместо Тегерана он предложил отправиться в Басру, заметив, что если бы они встретились там, то ему бы пришлось отправиться на территорию, находящуюся на расстоянии шести тысяч миль от Соединенных Штатов, а Сталин оказался бы всего в шестистах милях от России. Рузвельт добавил, что, если бы не возложенные на него обязанности, он был бы рад проехать в десять раз большее расстояние ради встречи со Сталиным для непосредственного решения вопросов, затрагивающих общие интересы.

Президент поручил Хэлли вручить это послание. Хэлл, пользуясь дружеским расположением советских руководителей, вручил послание Сталину, сопроводив личной просьбой. Сталин ответил, что вопрос слишком сложный, его следует обдумать и нужно посоветоваться с товарищами. Молотов четко заявил, что советское руководство, гражданское и военное, считает, что ввиду важности проводимых военных операций Сталин не должен отлучаться из страны или, в крайнем случае, должен находиться в таком месте, где можно будет гарантированно поддерживать прямую связь.

Заявление Сталина о том, что, возможно, лучше будет перенести встречу с Рузвельтом на весну 1944 года, поскольку к тому времени вполне подходящим местом может оказаться Фэрбанк, расстроило Хэлла и Гарримана. Государственному секретарю не хотелось подводить президента и затягивать с планами создания коллективной безопасности. Он сообщил Сталину, что является противником отсрочки, поскольку и он, и президент считают, что встретиться необходимо в самом ближайшем будущем. Хэлл опасался, что если до окончания войны три правительства не разработают послевоенную программу действий, то это может стать причиной распада их союза. Пока что мнение американцев складывалось в пользу международного сотрудничества, но все могло измениться, если бы случились неожиданности в ходе военных действий или в отношениях между странами. В свою очередь, Сталин пытался убедить Хэлла, что его отказ уступить желанию президента не означает, что он сам не хочет этой встречи или думает только о собственных интересах. Пытаясь объяснить свой отказ, Сталин сказал, что, по его мнению, немцы исчерпали большую часть имеющихся ресурсов, и скоро появится возможность, которая может не выпасть более в течение пятидесяти лет, нанести им решающий удар, и ему бы не хотелось пропустить этот момент, находясь вне пределов досягаемости.

Пытался ли Сталин отыскать причины, по которым встреча должна была состояться в более благоприятных условиях или в наиболее удобное для него время? Или, по мнению Гарримана, он действительно хотел как можно скорее встретиться с президентом, но его удерживали сложная ситуация на фронтах и настойчивые требования со стороны окружения? Как знать... Было очевидно, что советская командная система, находящаяся под непосредственным руководством Сталина, построена таким образом, что потеря прямого руководства может вызвать трудности и ухудшение ситуации на советских фронтах. Нельзя сказать, что положение на Восточном фронте в течение ноября было таким уж устойчивым. Но вероятно, существовали другие причины, заставляющие Сталина оттягивать встречу. К следующей весне было бы уже ясно, собираются ли союзнические армии пересекать Канал, и, кроме того, если бы все пошло удачно, Красная армия обеспечила бы Советскому Союзу возможность повлиять на будущее соседей, что являлось одним из наиболее определенных намерений Сталина.

Тем временем Черчилль ощущал растущее беспокойство. Независимо от переговоров о встрече со Сталиным премьер-министр осознавал необходимость в срочной встрече с Рузвельтом и его военными советниками; до встречи с русскими следовало обсудить военные планы и совместные действия, в особенности операцию «Оверлорд» и ее влияние на маневры в Средиземноморье. В посланиях президенту Черчилль доказывал необходимость такой предварительной встречи. Черчилль был обеспокоен некоторыми положениями совместных планов и хотел обсудить кое-какие детали. Короче говоря, он объяснил Рузвельту, что существует много неясностей и непонятно, как следует действовать.

Первая реакция Рузвельта на предложение (послание от 22-го числа) о совместном рассмотрении операции «Оверлорд» оказалась туманной, и у Черчилля создалось впечатление, что в американских кругах наметилось желание завоевать доверие русских за счет координации англо-американских военных усилий. Тогда становилось ясным, почему американцы не стремятся провести предварительную встречу с британцами. Они могли предположить, что Черчилль будет настаивать на развертывании действий в Италии, на Адриатике и в Эгейском море, что будет означать задержку «Оверлорда». Американцы могли быть уверены, что в этом вопросе русские примут их сторону.

Однако сообщение, полученное Черчиллем через несколько дней, 25-го числа, в то время когда Хэлл пытался договориться со Сталиным о встрече в Басре и потерпел неудачу, выглядело совершенно иначе. Рузвельт охотно согласился с идеей встречи с британцами или, во всяком случае, был готов отправить на встречу своего представителя. Он писал: «К сожалению, у меня грипп. Доктор Макинтир говорит, что мне необходимо совершить морское путешествие. От Дяди Джо никаких известий. Если он останется непреклонным, то что вы думаете о нашей встрече в Северной Африке или у пирамид, и чтобы ближе к концу наших переговоров к нам бы на два-три дня присоединился генералиссимус (Чан Кайши)? К тому же мы могли бы попросить, чтобы Дядя Джо прислал к нам на встречу Молотова. Мы предлагаем назначить встречу на 20 ноября».

Двумя днями позже, 27 ноября, выяснив, что Сталин не собирается отправляться дальше Тегерана, Рузвельт поинтересовался у Черчилля, что он думает о том, чтобы предложить Сталину направить кого-нибудь из России на заседания американско-британского штаба, кто бы мог слушать, принимать к сведению и вносить свои предложения. Черчилля это встревожило. Он заявил президенту, что, по его мнению, это приведет к серьезной задержке в выработке решений. Черчилль высказался еще откровеннее прежнего, заявив, что американцы и британцы имеют законное и жизненно необходимое право встретиться для обсуждения совместных действий. Это было, конечно, так, но президент и Комитет начальников штабов не были уверены, что хотят воспользоваться этим правом.

В данный момент президент твердо решил включить совещание с Чан Кайши в план. Он надеялся на встречу с Черчиллем, со Сталиным и Черчиллем и, наконец, вчетвером, с

Черчиллем, Сталиным и Чан Кайши.

Президент все еще не сделал выбор между встречей со Сталиным в Тегеране и остальными предложениями. Он попросил Хэлла, занимавшегося утверждением соглашений, достигнутых в Москве, еще раз попытаться уговорить Сталина вылететь в Басру для встречи с Черчиллем и с ним, хотя бы на день, и позволить затем задержаться Молотову, чтобы продолжить обсуждения. Но даже в дружеской атмосфере прощального обеда Сталин упорно настаивал на своем.

В послании президенту от 31 октября (перед отправкой Хэлл показал сообщение Идену) государственный секретарь попытался убедить Рузвельта, что позицию Сталина не стоит рассматривать как отказ от сотрудничества. Он убеждал, что следует любым путем добиться окончательного военного соглашения и начать разработку послевоенной программы. Если слова и дела Сталина, продемонстрированные им во время конференции, были искренними, а в иное трудно поверить, то маршал прибудет к месту встречи с президентом и Черчиллем.

Получив известие от Хэлла, президент решил договориться о встрече по крайней мере с Черчиллем и Чан Кайши. 31 октября он сообщил Черчиллю, что готов встретиться с ним 20 ноября в Каире, и предложил Чан Кайши запланировать встречу в Каире с ним и Черчиллем на 25 ноября. Этот график устроил обоих.

Спустя несколько дней в Белый дом пришел официальный ответ Сталина на обращения Хэлла, сделанные им перед отъездом из Москвы. В нем повторялись объяснения все тех же причин, по которым Сталин не мог уехать дальше Тегерана, и делалось предложение прислать Молотова в место, выбранное президентом и премьер – министром.

После этого президент сдался. Вероятно, он поступил таким образом, поскольку решил, что не сможет достигнуть главной цели, если не переговорит лично со Сталиным, а может, согласился, что Сталин действительно руководствуется объективными причинами.

В ответном послании от 8 ноября Рузвельт сообщил, что вскоре отправляется в Каир на встречу с Черчиллем, и о том, что у него появилась возможность после встречи в Каире отправиться в Тегеран. Он был очень доволен таким поворотом, поскольку считал жизненно необходимой встречу с Черчиллем и Сталиным, хотя бы в течение двух дней. Рузвельт полагал, что такая встреча будет иметь далеко идущие последствия для всех трех государств и нанесет моральный удар по нацистам, нарушив все планы Гитлера, Геббельса и внеся раскол в их отношения. План президента состоял в том, чтобы американские и британские военные начали работу в Каире, и, как он уже говорил Сталину, Рузвельт надеялся, что к ним присоединятся Молотов (вопреки пожеланиям Черчилля) и советский военный представитель. Затем, по его расчетам, после проведения предварительной работы все вместе 26 ноября отправятся в Тегеран для встречи со Сталиным и представителями советского штаба для проведения совещаний в течение трех дней или на время, которое Сталин сочтет возможным находиться в отъезде. После этого президент, Черчилль и Объединенный американо-британский штаб возвращаются в Каир для завершения работы. Сталин согласился с этим предложением и сообщил, что Молотов и военный представитель 22 ноября прибудут в Каир для переговоров.

Премьер-министр заявил, что отправится в Тегеран, если тот является единственным местом, где бы они могли встретиться втроем, но подчеркнул, что для начала хочет провести переговоры с американцами, особенно по военным вопросам. Тут Черчилль узнал, что президент предложил китайскому лидеру прибыть в Каир 22 ноября, к первому совещанию начальников Объединенного штаба. Вечером 11 ноября, через Гарримана и Кларка Керра, Черчилль узнал, что Молотов и военные советники также окажутся в Каире уже с первого дня работы конференции.

Огорченный всем этим, премьер-министр поспешил отправить президенту сообщение, в котором просил отложить прибытие в Каир Молотова и советских

официальных лиц до 25 ноября с тем, чтобы предоставить возможность руководителям штабов провести соответствующую работу. «Мы окончательно договорилось о встрече, и я думаю, что теперь без вопросов вы и я сможем встретиться с ним между двадцать седьмым и тридцатым».

Президент не принял всерьез озабоченность Черчилля. В послании от 12 ноября он только сообщил Черчиллю об окончательном согласии Сталина на встречу в Тегеране. «Итак, трудности позади, и мы можем быть счастливы... Присутствие в Каире Молотова и русского военного представителя не повредит ни вам, ни мне».

Черчилля не удовлетворила столь легкомысленная реакция. Он заявил Рузвельту, что договоренность о встрече со Сталиным является большим шагом вперед, но он повторяет, что крайне важно, чтобы британский и американский штабы провели «серию заседаний» до того, как к ним присоединятся русские и китайцы. Кроме того, британское правительство оставляет за собой право на откровенный разговор с президентом и американскими военными представителями относительно жизненно принципиальных действий объединенной армии. Черчилль был убежден, что присутствие Молотова и советских представителей вызовет серьезные затруднения.

В тот же самый день, но уже после того, как было отправлено послание Рузвельту, Черчилль получил известие от Сталина, что «в связи с серьезными причинами Молотов, к сожалению, не сможет прибыть в Каир». Рузвельт получил аналогичное сообщение. Можно предположить, что причина, по которой Сталин решил не посылать Молотова в Каир, крылась в том, что в то же самое время там должен был находиться Чан Кайши. Советское правительство не хотело, чтобы именно так было воспринято это сообщение, поэтому 16 ноября в разговоре с Гарриманом Молотов заявил, что в любом случае не может сейчас уехать из Москвы, поскольку в связи с легким недомоганием Сталина на него свалилось много работы. Вышинский, заместитель Молотова, отправлялся в Алжир для участия в консультативном совете в отношении Италии и в качестве наблюдателя мог бы ненадолго остановиться в Каире.

Двадцать второго в Каире собрались Рузвельт, Черчилль, Чан Кайши и представители военных штабов. Президент был полон решимости следовать графику переговоров и сразу же сообщил Сталину, что, по его мнению, переговоры закончатся к концу недели. Таким образом, если это устроит Сталина, то он, Черчилль и офицеры штабов смогут прибыть в Тегеран для встречи советской делегации в полдень двадцать седьмого. «Я с нетерпением ожидаю наших переговоров», – закончил сообщение Рузвельт.

Президент твердо решил сделать все, чтобы у Сталина не сложилось впечатления о предварительном сговоре американцев и британцев. Если бы только было можно очистить мысли Сталина от подозрений!

Следует предположить, что в Тегеране президент продолжал действовать тем же образом. До открытия конференции Рузвельт избегал каких-либо общений с Черчиллем, налаживая контакт со Сталиным. Возможно, простая мысль заставила его следовать подобным образом; год назад Черчилль много времени провел наедине со Сталиным, а теперь и у президента появилась возможность узнать этого человека и представился блестящий шанс пообщаться с ним один на один. При таком повороте событий Черчилль, вероятно опасавшийся неприятных сюрпризов, также добивался конфиденциальной беседы со Сталиным. Втроем они встречались на официальных заседаниях и на ежевечерних обедах. Следует отметить, что Рузвельт не сумел достигнуть той же сердечности в отношениях, как это получилось у Черчилля в течение одной длинной ночи, во время визита в Москву в 1942 году. Их контакты под маской дружелюбия и восторженными словами скрывали официальные и безразличные отношения. Но прежде чем говорить об этом, остановимся вместе с президентом и Черчиллем в Каире, где они должны встретиться с Чан Кайши.

Первая каирская и Тегеранская конференции; дальневосточный вопрос

У президента имелось неотложное дело к Чан Кайши. Положение в Китае ухудшалось со всех точек зрения. Страна была отрезана от внешнего мира, если не считать воздушного пути над Гималаями. Но этого было недостаточно для того, чтобы обеспечить даже самым необходимым китайскую армию и американские военно-воздушные силы, расквартированные в Китае. Чан Кайши и китайское правительство ощущали отсутствие внимания к себе. Они жаловались, и не без причины, что, несмотря на сопротивление Японии и перенесенные страдания, им предоставлялось меньше помощи, чем любому другому члену антигитлеровской коалиции, и фактически они всегда получали меньше, чем им обещали.

Китайское командование подводило к мысли, что не сможет вести наступательные операции против Японии, как, впрочем, в Китае и в Бирме, без оказания значительной помощи со стороны союзников.

Это послужило причиной того, что генерал Стилвелл, находившийся в составе американских вооруженных сил на китайско-бирманско-индийском театре и назначенный начальником штаба Чан Кайши, а также генерал Маршалл сделали вывод, что ни китайское правительство, ни китайская армия не принимают должного участия в общих усилиях в борьбе с врагом.

Тяжелым оставалось экономическое положение страны. Росла инфляция. Срывались поставки товаров первой необходимости. Коррупция все глубже и шире охватывала правительство Китая. Меры, принимаемые против противников и критиков режима, не только коммунистов, но и представителей умеренных реформистских направлений, становились все грубее и грубее. Практически все американские официальные лица в Китае, и гражданские и военные, сообщали, что правительство теряет поддержку народа.

Эти обстоятельства могли привести к выходу правительства Чан Кайши из войны. Поэтому начиная с лета президент чувствовал необходимость в личной встрече с Чан Кайши для того, чтобы объяснить глобальную стратегию, нуждающуюся в поддержке Китая. Эта встреча должна была улучшить моральный климат в Китае и поспособствовать разработке плана военных действий, которые могли бы облегчить положение Китая.

Когда Рузвельт пригласил Чан Кайши встретиться с ним и Черчиллем в Каире, генералиссимус ответил, что сделает это с огромным удовольствием, если удастся встретиться с ними перед тем, как они повидаются со Сталиным. Если же это невозможно, то Чан Кайши предпочел бы выбрать для встречи другое время. Рузвельт посчитал, что генералиссимус должен получить возможность вступить в переговоры первым.

Черчилль и британские начальники штаба были недовольны поступком президента, поскольку китайский лидер прибыл в Каир до начала британо-американских консультаций. Британцы, в соответствии с их пониманием той роли, какую Китай будет играть в войне и мире, боялись, что Рузвельт вступит в незаконные отношения с Чан Кайши и может дать такие обещания, которые опрокинут их планы в отношении Европы.

Но президента было не остановить. Пока совещались представители американских и британских военных штабов, Рузвельт, к раздражению Черчилля, полностью погрузился в переговоры с Чан Кайши. В записях, сделанных Черчиллем по окончании конференции, звучит явное недоумение: «К сожалению, сообщение Китайца, длинное, сложное для понимания и играющее второстепенную роль, увело в сторону переговоры представителей британских и американских штабов. Кроме того... президент, преувеличивающий значение индийско-китайского вопроса, вскоре надолго уединился с генералиссимусом. Рухнули все надежды на то, что до нашего возвращения из Тегерана Чан с супругой отправятся смотреть пирамиды, и в итоге китайский вопрос занял в Каире центральное место».

В ходе переговоров с Чан Кайши были приняты важные решения. Они затронули, во-первых, планы предполагаемых военных действий на китайско-бирманско-индийском

театре и, во-вторых, планы в отношении Японской империи после ее поражения. К сожалению, не существует законченного или должным образом оформленного документа последующих переговоров с Китаем, и историкам придется положиться на вторичные источники.

Американцы представили проекты по освобождению наземного пути из Индии через Бирму в Китай и изгнанию немцев из Бирмы. В американских военных кругах возникли острые разногласия в отношении этой программы. Ченнол, американский генерал, отвечающий за действия авиации в Китае, был категорически против проведения кампании в Бирме. Стилвелл, напротив, был горячим сторонником такой акции. Он считал, что необходимо укрепить китайскую армию, и это лучший, практически единственный реальный способ, дающий возможность использовать китайцев. Военный департамент согласился с его мнением, исходя из собственных интересов: использовать Китай в качестве авиационной базы для бомбардировок Японии.

Генералиссимус тоже представил американскому военному штабу несколько «сырых», сделанных второпях планов, но они были признаны непригодными.

Британцы, которые должны были обеспечить значительный приток ресурсов для проведения наземной операции в Бирме, были настроены скептически относительно смысла и успешности данной стратегии. Черчилль рассматривал это как заблуждение, связанное с американской идеей в отношении Китая. Он полагал, что гораздо правильнее долго и тяжело воевать в болотах и джунглях, которые впоследствии в любом случае достанутся победителю. Черчилль рассчитал, что даже в случае удачной кампании наземный путь в Китай появится слишком поздно, чтобы реально повлиять на ход войны, и не верил в помощь Китая в войне с Японией. Его устремления были направлены в совершенно другую сторону, в юго-западную часть Тихого океана; он хотел отвоевать Сингапур, Суматру и, вероятно, Гонконг и, поддерживая наступление армии Макартура и американских военно-морских сил в центральной части Тихого океана, проводя атаки с моря и с воздуха, уничтожить японские коммуникации.

Несмотря на препятствия, возникшие в ходе операции по очистке пути, и оговорки Британии, было заключено соглашение с Китаем, одобрены планы изгнания японцев и открытия пути через Бирму. Или, по крайней мере, казалось, что это так. Президент и Чан Кайши договорились, что китайскими, британскими и американскими армиями должны быть предприняты шаги для решительного наступления в Северной Бирме. Это наступление должно быть скоординировано с десантной операцией на юге Бирмы (операция «Бакканир», наступление на Андаманские острова), прикрываемой британским военно-морским флотом в Индийском океане. На первом пленарном заседании Чан Кайши особо настаивал на том, что «успех в Бирме зависит не только от военно-морских сил, расположенных в Индийском океане, но и от скоординированности действий военно-морских и сухопутных войск».

Сухопутные операции следовало поддержать с воздуха, чтобы помешать движению японских армий.

Черчилль упорно отказывался пообещать, что в установленное время британские вооруженные силы проведут десантную операцию на юге Бирмы. Он ставил под сомнение утверждение Чан Кайши, что это – необходимое условие для победы в Северной Бирме, однако соглашался, когда Чан Кайши говорил, что японцы будут сражаться изо всех сил, чтобы сохранить свое положение в Бирме, и наземная операция будет поставлена под удар, если не удастся заставить их бороться одновременно на двух фронтах. «Несмотря на мои объяснения, – писал Черчилль, – президент, со своей стороны, пообещал в ближайшие несколько месяцев провести значительную десантную операцию в Бенгальском заливе... 29 ноября я написал в британский штаб: „Премьер-министр желает зафиксировать тот факт, что он категорически против требования генералиссимуса предпринять десантную операцию одновременно с сухопутной операцией в Бирме“.

Спор в отношении этого проекта не прекращался, поскольку был напрямую связан с

вопросом, какие действия могут быть предприняты в Европе в течение ближайших шести месяцев. Десантные операции в Южной Бирме потребовали бы отвлечения военно-морских сил, грузовых судов, воздушных сил и, вероятно, даже сухопутных дивизий, используемых на других военных театрах. Основной спор возник из-за нехватки десантных плавсредств.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что вопрос заключался в следующем: большую часть средств предстояло направить в Бирму и меньшую – в Италию и в Алжир, туда, где они были нужны Черчиллю.

У британцев создалось впечатление, что американский Комитет начальников штабов в случае необходимости готов был отложить „Оверлорд“ на 1 июля, чтобы предпринять десантную операцию в Южной Бирме, оставив необходимый минимум судов для проведения операций в Италии и в Эгейском море. На встрече Объединенного штаба 25 ноября генерал Брук объяснил, что операция в Юго-Восточной Азии может быть выполнена при условии отсрочки „Оверлорда“. Генерал Маршалл заявил, что подразумевал такую возможность, и повторил, что, по его мнению, „Бакканир“ гораздо важнее, и, когда британцы поймут, что „Оверлорд“ может быть отложен, американцы откроют причину личной заинтересованности президента в этой операции. Американские военные, казалось, спокойно восприняли отсрочку „Оверлорда“, чего нельзя сказать о „Бакканире“, и остановились на том, что если британцы продолжают дискуссию, то американская стратегия будет заключаться в том, чтобы как можно скорее приступить к операции „Оверлорд“. Накануне Тегеранской конференции американцы, казалось, были готовы занять ту же позицию в отношении Европы (под соответствующим давлением русских), что и британцы, если Британия, в свою очередь, согласится с американской стратегией в Юго-Восточной Азии.

Когда президент, премьер-министр и начальники штабов отправились в Тегеран, этот вопрос остался открытым. После переговоров со Сталиным, по возвращении в Каир, вопрос все еще не был отрегулирован. Теперь у Черчилля появились новые веские причины доказывать, почему в это время не оправдано задействовать десантные средства и силы в Бирме. В Тегеране было принято решение не только начать вторжение в мае, но и высадиться в это же время в Южной Франции. В связи с этим увеличивалась потребность в десантных средствах. Кроме того, Сталин вновь заверил, что Советский Союз вступит в войну с Японией. В связи с этим премьер-министр заявил, что не видит особого смысла в спешном открытии пути через Бирму в Китай.

Рузвельт не мог отрицать наличия этих причин, но был крайне обеспокоен тем, что план, согласованный с Чан Кайши, может быть нарушен, и это настолько выведет из равновесия генералиссимуса, что Китай практически прекратит борьбу. Президент понимал, что вынужден уступить. Все было бы проще, если бы кто-то другой, а не британцы отвечали за морские и сухопутные силы, необходимые для операции. Любое давление на британцев могло привести к серьезным разногласиям, которые бы повлияли на совместную программу, разработанную в Тегеране, а это, как объяснил президент своим опечаленным военным советникам, было бы губительно.

В конце концов Рузвельт отправил Черчиллю сообщение, что операция „Бакканир“ отменяется. В связи с этим Черчилль заметил Исмею: „Он сильный человек“.

Премьер-министр понимал, как трудно было президенту изменить решение, как сильно будет разочарован генерал Маршалл и возмущен генерал Стилвелл. Черчилль освобождался от обязанности выдвигать японцев из Бирмы, что было связано с ненужным риском и определенными трудностями, и реакция Чан Кайши его не слишком волновала.

Однако просьба Чан Кайши от организации новой воздушной трассы между Китаем и внешним миром была принята к рассмотрению. В результате обсуждений Объединенный штаб выделил значительные ресурсы для осуществления полетов над Гималаями: бомбардировщики, транспортные самолеты и силы наземного обслуживания. Военный министр Стимсон годом позже, 3 октября 1944 года, написал во вступительной

части докладной записки, во что американцам, по его мнению, обошелся маршрут над Гималаями: „Величина усилия, которое мы вложили авиалинию „Над Гималаями“, обескровила нас. Сегодня из-за нехватки транспортных самолетов у нас срываются операции в Голландии и в устье реки Шельды... То же самое происходит в Северной Италии. Эти полеты над горами обошлись нам в лишнюю зиму на главном театре войны“.

Какое бы разочарование ни испытал Чан Кайши от реакции на его просьбы о помощи, тем не менее остальные решения, принятые в Каире и подтвержденные в Тегеране, принесли огромное облегчение. Кроме того, Китаю была обещана помощь после победы.

Более того, в Каире Рузвельт, Чан Кайши и Черчилль приняли декларацию. Еще предстоит изучить, кому принадлежат авторство и инициатива создания этого документа. Но судя по тому, что известно, инициатива принадлежит американцам, тщательно изучена британцами, одобрена Китаем, молчаливо санкционирована русскими.

Многие из дальневосточных вопросов, ожидавших решения (Маньчжурия, Корея, Тайвань, Индокитай, Японские острова, Курилы), были рассмотрены поверхностно во время беседы, состоявшейся 5 октября перед отъездом государственного секретаря на конференцию в Москву, между Хэллом, сотрудниками его штата в Государственном департаменте и президентом.

Не существует никаких записей, из которых можно было бы хоть что-то узнать об интересующем нас разговоре, о возможных консультациях президента с Государственным департаментом перед отъездом в Каир и Тегеран. Нигде не объясняется, была ли идея создания декларации чистой импровизацией, придуманной в Каире, или еще до отъезда президента задумывалась в Белом доме.

В любом случае, в Каире американцы, по-прежнему оппозиционно настроенные в отношении любых попыток разрешить территориальные вопросы в Европе, согласились заняться улаживанием сходных проблем, вырисовывающихся на Дальнем Востоке. Они предложили своего рода заявление, которое одновременно предупреждало любое желание заключить мир с Японией (что не позволяло ей возобновить усилия по установлению господства над Азией) и удовлетворяло китайцев, тем самым поднимая их боевой дух. Было принято решение внести эти намерения в декларацию, которая будет опубликована сразу после переговоров с Чан Кайши. Документ был составлен впопыхах. В американском архиве был найден черновик, надиктованный Гопкинсом (вероятно, рядом с кроватью на полу лежали карты) или исправленный им. Черновик датирован 24 ноября, следующим после первой официальной встречи с Чан Кайши днем.

Президент просмотрел его, приняв большинство предложений Гопкинса. Черчилль также тщательно изучил его, несколько поправив стиль. Неизвестно, обсуждалось ли это в действительности с Чан Кайши, но, скорее всего, обсуждалось.

Вот важнейший пункт декларации, поскольку в нем говорится о полном распаде Японской империи.

„Три великих союзника ведут эту войну с целью обуздать агрессию и наказать Японию. Они думают не о выгоде для себя и не о территориальной экспансии. Их цель – отобрать у Японии все острова в Тихом океане, которые она захватила в начале Первой мировой войны в 1914 году, а территории, украденные у Китая, такие, как Маньчжурия, Тайвань, вернуть Китайской республике. Япония должна быть изгнана со всех территорий, захваченных силой. Три вышеназванные великие державы, принимая во внимание поражение народа Кореи, согласились, что в надлежащее время Корея должна стать свободной и независимой“.

Декларация подписана на совещании президента Рузвельта, генералиссимуса Чан Кайши и премьер-министра Черчилля в Каире 1 декабря 1943 года. Нет никаких ссылок на то, что Советский Союз был ознакомлен с этим документом до момента опубликования.

Это решение было продиктовано требованиями войны и духом возмездия. Никто в Каире, похоже, не представлял, как лучше уладить эти вопросы, пока не станет ясно, как в

конце войны поведет себя Китай, а как Советский Союз. И при этом никто, похоже, не интересовался тяжелым положением, в котором окажутся японцы...

В октябре Китай стал одним из подписавших Декларацию четырех. В Каире и Тегеране Китаю отвели место в Исполнительном совете (тогда его называли „четыре полицейских“), будущей организации международной безопасности. В соответствии с Каирской декларацией Япония превращалась в маленькое островное государство, а большая часть поверженной империи отходила Китаю, значительно увеличивая его мощь, неизвестно, во благо или во зло.

В результате благодаря Каиру и Тегерану Китай фактически расширил территорию, увеличил потенциальное могущество и принял на себя максимальные обязательства. Согласно документам, это было сделано для того, чтобы поднять моральный дух, что, вероятно, положительно отозвалось на ходе войны. Но все было не так просто. По-прежнему в официальных кругах Америки существовало два основных мнения. Первое, что китайцы обладают скрытыми возможностями для того, чтобы стать великой нацией, и, с учетом предоставленной им возможности, докажут, что будут надежными партнерами Запада. Второе, что в Китае будет довольно сплоченное и знающее правительство, чтобы контролировать и должным образом управлять огромными территориями. Рузвельт, Черчилль и их советники, гражданские и военные, подвергали риску будущее Дальнего Востока и положение и безопасность там своих государств.

Что касается второго мнения, то американские стратеги и тогда, и впоследствии соглашались, что принимали желаемое за действительное. Незадолго до встречи в Каире американское правительство вмешалось, чтобы предотвратить очередную попытку китайского правительства уничтожить коммунистическую оппозицию. Чан Кайши заверил, что разберется с этим вопросом мирным путем. Одновременно американское правительство прилагало все больше усилий, стремясь к мирному урегулированию вопросов, но ничего не получалось.

Сталин не появился в Каире и задержал Молотова, поскольку не хотел, чтобы советское правительство на переговорах общалось с правительством Китая. Во всяком случае, Рузвельт и Черчилль решили, что Сталин должен узнать о декларации до того, как о ней узнает мир. Вскоре после приезда в Тегеран Гарриман и Кларк Керр передали Молотову копию декларации для того, чтобы Сталин мог высказать свое мнение.

Спустя несколько часов Молотов получил ответ. Сталин был доволен тем, что к нему обратились за консультацией, но у него не было „никаких замечаний...“.

Через два дня, 30 ноября, во время завтрака Рузвельт и Черчилль попытались выяснить у Сталина его мнение относительно будущего Дальнего Востока. Согласно принятым решениям, Япония должна была отдать все захваченные территории, в частности, Маньчжурия, Тайвань и Пескадорские острова отходили Китаю. Остальное – острова на юге и севере Японии, включая Курилы, самый южный из которых расположен всего в нескольких милях от Японских островов, и Сахалин, отходили кому-то еще. Будет ли претендовать на них советское правительство и на что еще?

Казалось, им предоставлялась удачная возможность для серьезного разговора в отношении государственных интересов после окончания войны. Поскольку американский и британский штабы только что согласовали общую стратегическую программу в Европе и в Тихом океане (об этом немного ниже), они объяснили Сталину свои намерения, и Сталин, как показалось, был полностью удовлетворен услышанным. Он в очередной раз подтвердил, что советское правительство после победы над Германией вступит в войну с Японией. Рузвельт и Черчилль были довольны, что опять слышали это.

Премьер-министр открыл заседание с того, что поинтересовался у Сталина, читал ли тот Каирское коммюнике. Сталин ответил, что хотя он и не связан никакими обязательствами, но полностью одобряет этот документ.

Так свидетельствует запись, сделанная Бохленым, но есть еще одна запись этой беседы, в которой отсутствует фраза „хотя он и не связан никакими обязательствами“.

По мнению Сталина, Корея имела право на то, чтобы стать независимой, а Маньчжурия, Тайвань и Пескадорские острова должны были отойти Китаю. Но, добавил он, Китай обязан принять активное участие в войне; пока не видно особых усилий со стороны Китая.

Затем, после обсуждения размеров территории Китая, разговор коснулся проблемы обеспечения Советскому Союзу удобного доступа к портам в теплых морях на его морских рубежах. Черчилль заявил, что, по его мнению, такая огромная страна, как Россия, должна иметь удобный доступ к портам, и этот вопрос можно будет уладить на мирной конференции, как это принято среди друзей. Сталин ответил, что проблему можно обсудить и в данный момент.

Поскольку Черчилль поднял эту тему, Сталин поспешил поинтересоваться, не собирается ли Англия несколько ослабить режим в Дарданеллах. Президент перевел разговор, обратив внимание на подступы к Балтийскому морю, о чем они уже говорили со Сталиным, и предложил установить над старыми ганзейскими городами международный контроль. По мнению Сталина, это была превосходная идея, и, продолжая начатую тему, он поинтересовался, „что может быть сделано на Дальнем Востоке для России“.

Черчилль заметил, что ему хотелось бы знать, что имеет в виду советское правительство. Прежде чем Россия примет активное участие в войне на Дальнем Востоке, ответил Сталин, хотелось бы получить ответ на заданный вопрос, но тем не менее он добавил, что у России нет открытого круглый год порта на Дальнем Востоке; порт во Владивостоке частично замерзал, и к тому же вход в него перекрывался Цусимским проливом, контролируемым Японией. Президент отметил, что, возможно, советские требования в этом районе могут быть выполнены точно так же, как он уже предлагал сделать это в отношении подходов к Балтийскому морю, то есть устанавливая международный контроль, и упомянул в качестве базы Далянь (Дальний). „Сомневаюсь, что это понравится Китаю“, – заметил Сталин. Но Рузвельт убедил его. В таком случае, заявил Сталин, это будет не так уж и плохо.

Отчеты, которыми я располагаю, возможно, опускают какие-то моменты разговора, происходившего во время завтрака. А может, Рузвельт и Сталин обсуждали дальневосточные проблемы во время одной из конфиденциальных бесед 28, 29 ноября или 1 декабря в Тегеране. Вскоре после возвращения в Вашингтон Рузвельт, в ходе обсуждения проблем на Тихоокеанском военном совете, по которым было достигнуто понимание в Каире и Тегеране, выразился более точно. Он перечислил следующие моменты. Первое. У России нет незамерзающих портов на Дальнем Востоке, и она хотела бы иметь такой порт. Сталину понравилась идея сделать из Даляня (Дальнего) порт, открытый для всего мира, тогда и русские смогут вести торговлю через этот порт. Второе. Сталин согласился, что железная дорога в Маньчжурии должна перейти в собственность китайского правительства. Третье. Сталин претендовал на половину Сахалина и Курильские острова.

К этим вопросам, которые рассматривались в Тегеране, вернутся больше года спустя, в 1945 году в Ялте. Во всяком случае, как утверждалось впоследствии, Сталин якобы выдвигал эти требования в качестве условия вступления в войну на Тихом океане. Как сообщил Гарриман президенту 15 декабря 1944 года, „он (Сталин) высказал единственное соображение, о котором не упомянул в Тегеране, относительно статус-кво Монголии...“.

Хотелось бы отметить, что притязания Сталина на порты и железную дорогу Маньчжурии приняли впоследствии совершенно иной оборот, нежели в Тегеране, где никакие советские территориальные требования не вызывали возмущения у президента. В результате Рузвельт сообщил Тихоокеанскому военному совету, что удовлетворен, обнаружив, что он, Сталин и Чан Кайши смотрят на основные тихоокеанские проблемы одними глазами. Отсюда он сделал вывод, что не составит труда достигнуть соглашения относительно контроля в Тихоокеанском регионе после поражения Японии. Естественно,

имея в виду, что американскому правительству не придется корректировать военные планы в отношении Дальнего Востока.

Проекты, на основе которых Комитет начальников штабов стремился продолжить начатое сотрудничество с русскими, полностью основывались на военных целях. По просьбе комитета Рузвельт передал Сталину две пояснительные записки по Дальнему Востоку.

Одна затрагивала предполагаемые воздушные операции против Японии. В ней говорилось, что крайне важное значение будет иметь вступление Советского Союза в войну с тем, чтобы бомбить Японию, используя советские приморские районы. Американцы собирались разместить там тяжелые бомбардировщики. Следовало сразу же приступить к постройке баз для их содержания и обслуживания.

В другой записке говорилось о подобном долгосрочном планировании в отношении военно-морского сотрудничества в северо-западной части Тихого океана. В ней задавался вопрос, не желает ли советское правительство, поскольку для советских дальневосточных портов существует угроза с земли и воздуха, получить от Соединенных Штатов субмарину и авианосец. Американцев интересовало, какая помощь потребуется советскому правительству в случае американской атаки на северные Курильские острова. И кроме того, они обращались с просьбой указать, какие порты в Приморье, если они имеются, могли бы использовать американские военные и грузовые суда.

Сталин не стал обсуждать эти предложения, заявив Рузвельту, что в данный момент не имеет для этого времени и обсудит их позже с Гарриманом. Судя по ответу, Сталин считал, что преждевременно обсуждать такие проекты с американцами, даже несмотря на обещание сохранить это в тайне от японцев. Уже на первый взгляд становится ясно, что Сталину, похоже, не понравились некоторые моменты в планах американцев.

Понятно, что советское правительство не хотело, чтобы на территории Дальнего Востока базировались значительные военно-морские и воздушные силы Соединенных Штатов. Кроме того, следует задаться вопросом, не считали ли Сталин и Молотов, что присутствие американских вооруженных сил в этом районе могло быть некоторым образом связано с советскими территориальными притязаниями в северо-западной части Тихого океана.

В целом Рузвельт и его советники покидали Тегеран с приятным чувством, оставшимся от позиции Советского Союза и его намерений в отношении китайского национального правительства. Взаимоотношения между этими двумя государствами были сдержанными, можно сказать, недружелюбными. Сталин безоговорочно подписал Каирское коммюнике в полной уверенности, что оно нанесет вред режиму Гоминьдана. Он ни словом не обмолвился относительно китайских коммунистов, а просто похвалил американцев за решение вооружить китайскую правительственную армию, за их желание добиться осуществления политического единства, проведения реформ, за намерение оказать экономическую помощь китайцам.

Фактически тогда у американцев, похоже, имелись трения в отношении Дальнего Востока больше с британцами, нежели с русскими. Как уже говорилось, Черчилль и его советники были против использования значительных вооруженных сил в Бирме. Они не собирались участвовать в десантной операции на юге Бирмы и, видимо, скорее стремились очистить юго-западную часть Тихого океана от японцев, чем освободить Китай. Британцы считали, что даже при оказании им помощи китайцы внесут незначительный вклад в победу над врагом. Они были весьма скептически настроены относительно того, окажется ли Китай хорошим партнером в Тихоокеанском регионе. После рассмотрения всех этих положений Гопкинс и некоторые члены Комитета начальников штабов и Государственного департамента посчитали, что британцы больше заинтересованы в сохранении своей империи, чем в скорейшем окончании войны.

Тегеранская и Вторая каирская конференции; военные проблемы

Война в Европе подходила к кульминационному моменту, когда главы трех правительств впервые собрались вместе в Тегеране в ноябре 1943 года. Они понимали, что для завершения войны необходимы согласованные действия с Востока и Запада, хотя за танками, самолетами и тяжело шагающими солдатами уже просматривалась победа. Но в той же перспективе можно было разглядеть грядущие гражданские войны, социальные потрясения, распад империй, пограничные конфликты. Закономерно, что конференция в Тегеране охватила три основные проблемы, касающиеся Европы. Во-первых, планы согласованной стратегии против Германии. Во-вторых, растущий перечень нерешенных политических проблем. В-третьих, концепцию будущей международной организации по безопасности. Все они были связаны между собой; не было четкой грани, разделяющей дискуссию по этим вопросам. Но, как и на переговорах, мы рассмотрим их последовательно, одну за другой. В этой главе речь пойдет о военных проблемах.

В Москве Сталин и его советники, рассмотрев за несколько недель до этого американско-британское заявление в отношении усилий, предпринимаемых для проведения операции через Канал, казалось, стали не так подозрительно относиться к союзникам и смогли по достоинству оценить их действия по отвлечению на себя части немецких сил. Однако вскоре русские сильно потеснили немцев на большом участке фронта. Немцы отчаянно пытались восстановить равновесие, перебросив часть дивизий из Италии и с Балкан на Восточный фронт. Это в очередной раз вызвало недовольство советских лидеров, нашедшее свое выражение в посланиях этого периода в адрес британского и американского правительств.

Ярким примером этого является послание Молотова Гарриману от 6 ноября. Ответ на него задержался, по всей видимости, в связи с тем, что в это время президент находился в море, на пути в Каир. Когда 16 ноября Гарриман обратился к Молотову за тем, чтобы объяснить причину задержки, Молотов упомянул тот факт, что генерал Антонов, заместитель начальника советского штаба, уже 6 ноября сообщил генералу Дину, что семь танковых и шесть пехотных немецких дивизий были недавно переброшены на советский фронт, причем из Франции, подчеркнул Молотов, а не из Италии. Гарриман ответил, что немедленно информирует об этом Вашингтон. И действительно, Военный департамент прислал Гарриману материалы для ответа на обвинения советской стороны, доказывающие, что союзники сделали все возможное, чтобы оттянуть немецкие силы с востока.

И все же эти послания по сравнению с сообщениями, приходившими от Сталина и Молотова прошлым летом, были сдержаннее.

Американцы и британцы все еще продолжали спорить относительно наилучшего стратегического курса, который следовало обсудить с русскими. Настроение, с которым представители двух штабов приступили к совещаниям в Каире и Тегеране, описывает генерал Фредерик Е. Морган, офицер штаба при главнокомандующем, отвечавший за предварительное планирование операции через Ла-Манш: „Я встречался с начальниками штабов Соединенных Штатов непосредственно перед их отъездом на конференцию „Секстант“ в Каир и в Тегеран. Они бормотали проклятия в адрес Британии, обвиняя ее в предательстве, особенно в отношении амбиций в Средиземноморье. Я успел вовремя приехать в Лондон, чтобы застать британских начальников штабов, выражающих такое же недовольство в отношении стратегии американцев“.

Придерживаясь единого мнения с британским штабом, Черчилль стремился осознать открывающиеся возможности. Как показали предварительные переговоры в Каире, премьер-министр намеревался отстаивать стратегическое отступление в Юго-Восточную Европу, удаленную от берегов Ла-Манша. Вероятно, противостояние американцев заставило Черчилля внести коррективы в сообщение, сделанное им в Тегеране, но отказываться от своих идей он не собирался.

Только Рузвельт предоставил планы совместных действий на тихоокеанском театре,

хотя разговор шел о войне в Европе. Президент привлек внимание к американским силам, занятым в Тихом океане: приблизительно миллион человек в сухопутных войсках и большая часть военно-морского флота. Он отметил растущую результативность действий в этом регионе. Кроме того, Рузвельт объяснил планы дальневосточной кампании, которые американцы и британцы согласовали в Каире. Оставшиеся нерешенными между президентом и премьер-министром вопросы в отношении действий, направленных на возврат Бирмы, со Сталиным не обсуждались.

Таким образом, защитив действия Соединенных Штатов в Тихом океане, президент заявил, что, по его мнению, Европа все еще является наиболее важным театром военных действий. Он заверил Сталина, что все переговоры между ним и Черчиллем вращались вокруг проблемы, как наилучшим образом уменьшить давление на советские армии. План вторжения через Ла-Манш в мае будущего года, принятый в августе в Квебеке, решает эту проблему. Данная задача является наиглавнейшей, заявил Рузвельт, и он будет категорически против любых авантюр, которые могут задержать начало операции, уменьшить ее мощь или подвергнуть опасности ее исход.

Черчилль опять и опять подтверждал приверженность решению, принятому в Квебеке в отношении вторжения во Францию. Проведя тщательный анализ, премьер-министр пришел к заключению, что различные перспективные операции, открывающиеся перед союзниками, следует отложить до операции „Оверлорд“, приуроченной к началу лета. Он продолжал настаивать на необходимости измотать немцев за время, оставшееся до „Оверлорда“, и доказывал, что это не причинит никакого вреда проекту и не окажет серьезного влияния на оговоренный срок.

Из множества предложенных Черчиллем способов вперед попеременно выступали следующие.

1. Довести итальянскую кампанию до захвата Рима и продолжать до условной линии, идущей через Пизу и Римини.

2. Предпринять согласованную попытку, чтобы склонить или заставить Турцию вступить в войну.

3. Или в связи со вступлением Турции или иным путем, с помощью блокады или десанта, захватить острова в Эгейском море. Это позволит открыть транспортные маршруты через Дарданеллы и Черное море в Россию – быстрее, проще и большего объема, чем существующий путь; если будет принято такое решение, то откроется юго-восточный вход на Балканы.

4. Совершать небольшие набеги через Адриатику с целью снабжения и поддержки югославских партизан.

5. Закрепившись севернее Рима, предпринять высадку в Южной Франции.

6. Или вместо этого тогда же направить экспедицию в верхнюю часть Адриатики, поставив перед ней задачу пробиться через Люблянское ущелье и далее – к Австрии и Венгрии.

На самом деле Черчилль не был первым, кто внес этот проект на рассмотрение глав государств в Тегеране. Он обговорил эти вопросы по пути с Мальты в Каир с Эйзенхауэром, и тот высказал мнение, что подобная операция вызывает у него сомнение, поскольку потребует много сил и времени. Кроме того, Эйзенхауэру было известно, что президент выступает против использования вооруженных сил США в этом регионе.

Трудно понять, как и почему Рузвельт оказался тем, кто завел разговор об этом плане на первой встрече 28 ноября. Вероятно, он выстроил такую линию: высадиться в верхней части Адриатики, чтобы объединиться с партизанами Тито, и затем двинуться на северо-восток, в Румынию, одновременно с наступлением русских из Одессы. Шервуд позже описывает удивление Гопкинса этой импровизацией со стороны президента. Гопкинс обратился за разъяснением к адмиралу Кингу: „Кто проталкивает этот вопрос с Адриатикой, если президент непрерывно возвращается к нему?“ На что Кинг ответил: „Насколько мне известно, это его собственная идея“. Черчилль тут же присоединился к

предложению Рузвельта, а Сталин поинтересовался, окажут ли влияние на ход действий в Италии три – пять дивизий, которые, как он понимает, были предназначены для операции „Оверлорд“. Выдержав паузу, Черчилль ответил отрицательно. Когда в июне 1944 года, при проведении „Оверлорда“, встал вопрос, стоит или нет послать экспедицию на полуостров Истрия, Черчилль напомнил Рузвельту о сказанном в Тегеране. Тогда Рузвельт объяснил, „...что в Тегеране он просто рассматривал вторжение на полуостров на тот случай, если бы немцы покинули Додеканес и Грецию. Но этого не произошло“.

Премьер-министр вооружился убедительными доводами в защиту этой гибкой стратегической программы. Кампания в Италии будет отвлекать немецкие силы, которые бы в противном случае оказались на советском фронте или во Франции. Лучше задействовать союзнические силы в Средиземноморье и в особенности на Ближнем Востоке, чем они будут простаивать до начала операции „Оверлорд“. В этом случае они могут принести значительные победы малыми средствами, возможно, даже капитуляцию немецких сателлитов – Болгарии, Румынии и Венгрии. Они смогут привлечь на сторону союзников турецкую армию и греческих и югославских партизан. Безусловно, доказывал Черчилль, всех этих условий, вполне достижимых, достаточно для того, чтобы позволить определенную гибкость в отношении даты начала „Оверлорда“. Кроме того, премьер-министр утверждал, что перечисленные мероприятия необходимы для подготовки „Оверлорда“.

В этом месте следует сделать паузу в описании дискуссий по военным вопросам, чтобы коротко прокомментировать два противоречия, затрагивающие цели Черчилля в той стратегии, которую он отстаивал, и до сих пор вызывающие интерес.

Во время переговоров в Тегеране и в своих мемуарах премьер-министр с негодованием утверждал, что на его предложения не повлияло желание отказаться от „Оверлорда“ или отложить его на неопределенное время.

Военные историки, знающие в подробностях предложенные планы и владеющие статистическими данными, возможно, оказались бы более компетентны в умозаключениях относительно этого вопроса, чем я. Но кое-какие впечатления абсолютно очевидны. В сущности, заявление Черчилля было искренним. Он остался верен плану операции через Канал и не собирался сопротивляться проведению „Оверлорда“.

На самом деле, появилось одно соображение, заставившее Черчилля сделать выбор в пользу вторжения: предвидение новой опасности для Британии – обстрелов реактивными снарядами и управляемыми ракетами, которые немцы стали бы запускать с близлежащих баз, расположенных в Северо-Восточной Европе.

Еще в сентябре 1943 года Британия имела достоверные сведения о строительстве на севере Франции специальных площадок именно для этой цели. 25 октября Черчилль сообщил Рузвельту, что „имеется по крайней мере семь таких объектов в проливе Па-де-Кале и на Котаненском полуострове и, возможно, еще много других, которые мы не обнаружили“.

Кроме того, в личной беседе премьер-министр не скрывал страха, вызываемого вторжением, и желал убедиться, что эта операция не превратится в длительное и жестокое сражение в траншеях. Именно поэтому он наиболее внимательно рассматривал любую возможность, с помощью которой удалось бы упростить „Оверлорд“. В его понимании доблесть заключалась в уменьшении риска и потерь; нельзя было недооценивать трудности, затраты и временной фактор – все то, что он хотел просчитать до начала „Оверлорда“.

Более того, Черчилля обвиняли в том, что его стратегические предложения преследовали политические, а не военные цели. Обычно ему приписывали замысел, состоящий в следующем: западные войска, а не русские должны были освободить как можно больше стран в Южной и Центральной Европе, а главное – Грецию, Югославию, Австрию, Венгрию и Чехословакию. Правда, судя по документам, этот замысел активизировался несколько позже. На протяжении периода, условно обозначаемого по

географии встреч как Москва-Каир-Тегеран, Черчилль, подобно Рузвельту, считал, что все три союзника должны быть равноценными партнерами в процессе освобождения и установления порядка в этих странах, а не превращаться в конкурентов в борьбе за сферы влияния. Конечно, в Тегеране Черчилль настаивал, что его предложения продиктованы исключительно военными целями. Правда, в ходе беседы он признал, что операции на Балканах и в Восточном Средиземноморье должны выдвинуть на первый план локальные политические вопросы и, возможно, повлиять на политические события. Вероятно, премьер-министр думал об этом, когда на заседании 29 ноября он произнес длинную речь в защиту своих предложений и подтвердил, что британцы „не имеют никаких амбиций“ на Балканах и все, что бы им хотелось предпринять, так это подавить тридцать или около того немецких дивизий в этом регионе. Возможно, Идеи. Молотов и кто-то, говорящий от лица президента, заявил Черчилль. могли бы собраться, рассмотреть вопрос и затем ознакомить конференцию с политическими аспектами подобных мероприятий. Видят ли, например, „наши советские друзья и союзники“ какие-нибудь политические трудности в такой стратегии? Если да, то британцам хотелось бы знать, поскольку они настроены на согласованные действия. Сталин, не объясняя, резко отверг предложения Черчилля. Президент промолчал.

После разбора предположений побудительных мотивов стратегических идей Черчилля нам следует вернуться к переговорам в Тегеране. Ни Рузвельт, ни Сталин, ни их военные советники даже не пытались детально рассмотреть предложения Черчилля, а ведь он полагал, что из его собеседников русские будут меньше сопротивляться. Свои впечатления он изложил в мемуарах: „Я мог увлечь Сталина, но на президента угнетающе действовало предубеждение его военных советников, и в споре он то и дело менял свою позицию...“

Рузвельт действительно именно так отреагировал на предложения премьер-министра.

Сталин не видел необходимости как-то использовать американско-британские разногласия. Следуя к основной цели, он высоко оценил американские и британские усилия в Тихом океане. А дальше все было как обычно. Сталин хотел получить максимальную помощь в борьбе с немцами на Восточном фронте. По мнению Сталина и советских военных советников, наилучшим решением являлась запланированная операция в Северной Франции. Он видел действия союзников в Италии, но не придавал им большого значения – Альпы всегда будут преграждать путь в Германию, где происходит решающая битва за победу. Сталин впрямую не обсуждал возможность вступления британо-американских сил на Балканы со стороны Адриатики. Он согласился, что было бы хорошо, если бы Турция незамедлительно вступила в войну, поскольку это открыло бы путь на Балканы с востока. По мнению Сталина, это более удобный вход, чем из Италии, но в то же время и более длинный путь до сердца Германии. Короче, по мнению русских, ни одна из этих операций, даже захват Рима, не играла особой роли.

А вот „Оверлорд“ имел первостепенное значение. Сталин настаивал на том, чтобы ни одна операция не уменьшала силу англо-американского вторжения в Северо-Восточную Францию и движения по Южной Франции. Черчилль не видел смысла в простаивании британских и американских вооруженных сил в период между захватом Рима и вторжением через Канал. Тогда Сталин предложил осуществить вторжение в Южную Францию на два месяца раньше, чем операцию „Оверлорд“.

Он считал, что надо воспользоваться данной встречей, чтобы уладить основные вопросы, связанные с операцией „Оверлорд“: установить точную дату, выбрать командующих и согласовать время высадки в Южной Франции. Сталин добивался принятия этих решений прямо здесь и сейчас для того, чтобы советскому правительству было проще спланировать параллельные атаки на Восточном фронте.

Американцы и британцы могли убедиться, что во время вторжения немцы будут не в состоянии увеличить численность армии, находящейся во Франции.

Действительно ли продолжительный обмен мнениями привел к согласованному решению или что-то другое, но в конечном итоге они пришли к единодушному компромиссу. 30 ноября британский и американский военные штабы согласовали единую стратегическую программу, которую тут же утвердили Рузвельт и Черчилль. Первый пункт программы определял дату начала операции – май 1944 года, а во втором говорилось, что масштаб операции в Южной Франции будет зависеть от количества десантных средств, которых должно быть как можно больше.

Когда о программе рассказали Сталину, он ответил, что она его устраивает. Красная армия, заявил маршал, предпримет наступательные операции в то же самое время и своими действиями подтвердит важность принятого решения. Американское командование высоко оценило четкое заявление Сталина о намерениях советской стороны; британские коллеги были скупы в своих оценках. Они учли заявление Сталина, планируя „Оверлорд“, поскольку начало операции приближалось и ее надо было довести до конца. Запомните в свете будущих событий, что это обещание осталось в силе. Советские армии наступали строго по графику, отвлекая на себя немецкие силы. Западное командование было не просто благодарно – оно было поражено этим. Все, включая главнокомандующего генерала Эйзенхауэра, были убеждены в надежности слова, данного Сталиным.

На этой же встрече, 30 октября, президент выразил огромное удовлетворение тем, как было достигнуто соглашение по предложенной программе. Черчилль, поднявшись с присущей ему стремительностью, громко заявил, что теперь, когда принято решение, он чувствует, что „Оверлорд“ нанесет сокрушительный удар. Премьер-министр подчеркнул необходимость постоянного контакта со Сталиным и советским Генеральным штабом, чтобы „...все части сжимающегося кольца были бы объаты пламенем сражения“.

Премьер-министр находил утешение в том, что принятая программа не лишала права действовать в тех направлениях, в которых уже велась работа. Договорились, что кампания в Италии будет идти своим чередом, что следует предпринять очередное усилие для того чтобы Турция вступила в войну, и необходимо увеличить помощь, оказываемую югославским партизанам. Успех в любом из этих направлений привел бы к разгрому Германии намного скорее, чем высадка в Южной Франции.

Черчилль рассчитывал на расширение производства в Соединенных Штатах и Британии и увеличение людских ресурсов; он не хотел верить, что огромные ресурсы Соединенных Штатов и Британии окажутся недоступны, когда они так необходимы „нам всем“. Возможно, он считал, что стратегическая догма является реальной помехой его идеям.

После возвращения в Каир американцы и британцы завершили работу над совместной программой действий, принимая различные подлежащие исполнению решения, необходимые для выполнения „Оверлорда“ и высадки в Южной Франции. Суть принятых решений Рузвельт и Черчилль сообщили Сталину в совместном послании от 8 декабря.

В Тегеране также рассматривались вопросы взаимоотношений с Турцией, Ираном и Финляндией, достаточно важные, чтобы стать темой отдельного разговора.

Следует напомнить, что на Московской конференции британцы и русские договорились потребовать вступления Турции в войну к концу 1943 года. А позже к ним согласился примкнуть Рузвельт. 10 ноября Гарриман официально уведомил об этом Молотова и Идена.

Но, как известно, к этому времени (11–12 ноября) сложившаяся ситуация не способствовала установлению сотрудничества с Турцией. Предпринятая Иденом попытка в Каире потерпела неудачу. Министр иностранных дел Турции отказал в использовании британскими силами турецких авиационных баз из опасения, что эти шаги заставят немцев принять ответные меры в отношении Константинополя и Анкары. Он столь же неодобрительно относился и к вступлению Турции в войну. Правительство Турции было

охвачено страхом; немцы были способны разрушить их страну, и Турция была не настолько сильна, чтобы противостоять советским притязаниям. Министр иностранных дел хранил в памяти два подобных случая: присоединение Добруи к России, благодаря чему у Турции появилась общая граница с Россией на севере, и требования по осуществлению контроля над Дарданеллами. Вопрос оставался открытым до тех пор, пока главы правительств не приступили к рассмотрению сложившейся ситуации на встрече в Тегеране. К этому моменту, как выяснилось, Черчилль был самым активным сторонником вовлечения Турции в войну. Благодаря яркой речи премьер-министра, предлагаемое им рискованное предприятие рисовалось не только привлекательным, но и разумным. С кем станут бороться немцы, если союзнические силы легко смогут нейтрализовать немцев в Восточном Средиземноморье и в Эгейском море? Черчилль рассчитал, что потребуется только одна, ну, может, две или три дивизии, несколько истребительных эскадрилий и зенитных полков; и все они уже находятся поблизости. Что касалось десантных судов, то он был готов забрать их отовсюду.

В отличие от Черчилля, Сталину к началу Тегеранской конференции, казалось, было практически все равно, вступит или нет Турция в войну. О причинах можно только догадываться. Сталин объяснил изменение своего отношения к этой проблеме тем, что Турцию вряд ли удастся вовлечь в войну и, кроме того, он опасается рассредоточения союзнических сил. Однако он согласился приободрить Турцию, пообещав, что, если Болгария выступит против нее, советское правительство немедленно объявит войну этой стране.

Рузвельт тоже проявил осторожность в этом вопросе. Его военных советников, особенно генерала Маршалла, беспокоило, что если будет проводиться операция в Восточном Средиземноморье, она оттянет на себя ресурсы, необходимые для „Оверлорда“. Кроме того, Рузвельт, подобно Сталину, соглашался на новую попытку вовлечь Турцию в войну, но так, чтобы не помешать проведению операции „Оверлорд“.

В итоге стороны пришли к соглашению, что следует, от имени всех трех правительств, попросить президента Иненю прибыть в Каир. Его могли принять Черчилль и Рузвельт и, если потребуется, в присутствии Вышинского. Они должны были попытаться убедить президента, что вступление в войну пойдет на пользу Турции, и если она откажется, то „... утратит возможность присутствовать на мирной конференции. К ней будут относиться как к стороннему наблюдателю. Мы договоримся, чтобы Великобритания в дальнейшем не интересовалась делами Турции, и прекратим поставки оружия“.

На самом деле во время предварительного обсуждения, что следует сказать Иненю, премьер-министр пошел немного дальше. Он заявил, что, если Турция будет упорствовать, он лично благословит изменения в режиме прохода проливов. Молотов ухватился за это замечание. Но Рузвельт неожиданно заявил, что независимо от того, войдет или нет Турция в войну, ему бы хотелось видеть Дарданеллы свободными для торговли всего мира.

Рузвельт и Черчилль боролись за право первым поприветствовать Иненю в Каире. Рузвельт отправил зятя на президентском самолете, чтобы привезти президента из Адана. Черчилль отправил сына, Рэндольфа, на своем самолете с тем же поручением. Иненю выбрал американские знаки отличия. Значение переговоров станет более понятным, если иметь в виду последующие события.

Иран служил основной военной базой. На севере он был занят советскими войсками, а на юге – британскими; американцы использовали транспортную систему, идущую от Персидского залива до советской границы, для обеспечения поставок Красной армии. Правительство и народ Ирана воспринимали их присутствие на своей территории как один из эпизодов большой войны, затронувшей их страну.

Британское правительство предприняло инициативу, попытавшись свести до минимума причиняемые Ирану неудобства, и заверило, что связанное с военным

временем размещение войск союзников на территории страны не превратится в дальнейшем в посягательство на независимость Ирана. Поэтому в повестку рассмотрения Московской конференции, в качестве одного из основных вопросов, вошел пункт под названием „Общая стратегия в Иране“. Подразумевалось, что три страны, разместившие свои силы на территории Ирана, должны принять совместное заявление о том, что по окончании войны они выведут войска из этой страны. Исходя из того, что со стороны Соединенных Штатов на территории Ирана располагались только инженерные батальоны, которые должны были уйти сразу же после передачи железной дороги Ирану, и, кроме того, не желая соприкасаться с иранскими политическими проблемами, Хэлл предложил, чтобы вместо совместного заявления каждый из них сделал бы отдельное заявление о намерениях. Молотов также проявил осторожность. Стараясь затянуть время, он заявил, что посол Ирана в Москве обратил его внимание на тот факт, что советско-британо-иранское соглашение от 1942 года о размещении войск в Иране предусматривало необходимость присутствия иранского представителя всякий раз, когда будут обсуждаться вопросы, касающиеся этой страны. Вопрос был оставлен для дальнейшего рассмотрения на конференции в Тегеране.

В Тегеране эта проблема обсуждалась главами государств не на официальных заседаниях, а в частных беседах. После небольших трений было достигнуто соглашение. Генерал Патрик Харлей, принимавший участие в создании проекта, передал копию подписанного оригинала иранскому шаху. Хотя это было не совсем то, что хотелось бы шаху, тот подписал документ. После опубликования документа Рузвельт и Черчилль возвратились в Каир.

Заявление было с восторгом принято иранцами. Они получили то, что хотели: вновь обрели чувство собственного достоинства: убедились, что всерьез воспринимается их участие в войне; им было обещано, что в конце войны союзники вернутся к рассмотрению экономических проблем, и заявлено о желании оказать всяческую поддержку независимости и территориальной целостности Ирана. То, что американское правительство принимало участие в этом заявлении, придавало ему большую ценность.

В Тегеране русские согласились держаться в отдалении от теплых вод Персидского залива; они поступили так в расчете на то, что сумеют облегчить себе многочисленные выходы в холодные воды Финского залива Балтийского моря.

Правительства Соединенных Штатов и Британии убеждали Финляндию, что ее борьба проиграна и сейчас ей самое время выйти из войны. Для этого были серьезные основания. Финско-немецкая линия фронта подходила довольно близко к Ленинграду; город постоянно обстреливался и все еще находился на полуосадном положении. Имелись и другие причины. Американцы и британцы хорошо относились к финнам и поэтому пытались отговорить их от сотрудничества с Гитлером. Они были бы очень огорчены, если бы Финляндия прекратила свое существование как независимая страна, а это могло произойти, если бы она оказалась разбита Красной армией.

В последний день конференции, 1 декабря, президент предпринял попытку договориться со Сталиным, полагая, что удачное решение других проблем может позитивно отразиться на его просьбе. Рузвельт сообщил Сталину, что хотел бы помочь Финляндии выйти из войны до начала совместной операции, запланированной на май. Сталин ответил, что финны уже запрашивали через шведское правительство относительно советских намерений, объяснив, что ищут возможности переговорить с русскими, но боятся потерять независимость. В сообщении, направленном в адрес финского правительства, Сталин заявил, что у Советского Союза нет намерения лишать Финляндию независимости; он готов принять финскую делегацию в Москве, но хотел бы предварительно ознакомиться с предложениями финской стороны. Ответ прибыл в тот же день, 1 декабря, и показалось, как добавил Сталин, что финны пока еще не готовы выйти из войны.

Рузвельт и Черчилль оба хотели стать связующим звеном между русскими и

финнами. Рузвельт поинтересовался у Сталина, не стоит ли американскому правительству предложить финнам направить делегацию в Москву. Сталин ответил, что не будет возражать, но из этого ничего не выйдет, если финны будут придерживаться прежней точки зрения. Президент заметил, что, возможно, было бы проще достигнуть соглашения с оппозицией ныне существующего пронемецкого правительства. Сталин согласился с его мнением, но добавил, что его не слишком заботит, кого направят финны, хоть дьявола собственной персоной, лишь бы он согласился на советские условия.

Вот эти условия. Финляндия должна прервать все отношения с Германией и выдворить из страны всех немцев; армия должна быть распущена; должно быть восстановлено соглашение, принятое в 1940 году после победы Советского Союза над Финляндией. Кроме того, Советский Союз потребует часть финских территорий для защиты Ленинграда от нападений, такие, как Виупюри (на Карельском перешейке) и Ханко (полуостров на юго-западе Финляндии); если же финны категорически откажутся уступить Ханко, то советская сторона согласна на Петсамо. И наконец, Советский Союз желает получить компенсацию в размере пятидесяти процентов от ущерба, нанесенного финнами русским. Сталин отстаивал эти условия, считая их не слишком жесткими. Он доказывал, что территориальные требования продиктованы необходимостью обеспечения безопасности России, и оправдывал требования компенсации тем фактом, что на русском фронте находится двадцать одна финская дивизия, которые наряду с немцами обстреливают Ленинград в течение двадцати семи месяцев. Не оспаривая эти условия, Рузвельт и Черчилль попытались уговорить Сталина смягчить их, объяснив, что выступят против присоединения Финляндии. Президент и премьер-министр сделали попытку выяснить, нельзя ли как-нибудь иначе удовлетворить желание советской стороны в отношении обеспечения безопасности Ленинграда и морских и воздушных сил на Балтике, и высказались относительно чрезмерной суммы компенсации ущерба. Сталин добродушно выслушал их, но отказался изменить перечисленные требования.

Тегеран; политические принципы и решения

На встрече глав правительств в Тегеране много времени было отведено обсуждению политических вопросов; кроме того, иногда беседа переходила на проблемы послевоенного политического устройства мира.

Во время второй личной беседы со Сталиным, 29 ноября, президент увлек Сталина идеей послевоенной организации, о создании которой было объявлено на Московской конференции. Рузвельт предложил три основных положения, которые, по его мнению, следовало учесть при создании организации.

1. В ее состав должны входить сорок или более стран всех частей света. Ей должно быть предоставлено право обсуждать любые международные вопросы и выдавать рекомендации двум комитетам, уполномоченным принимать решения и приводить их в исполнение.

2. В состав этих исполнительных комитетов должны входить представители четырех стран, подписавших Московскую декларацию, и представители шести стран, выбранных в каждой части света. Они должны быть способны подготовить рекомендации для урегулирования спорных вопросов, но не должны навязывать свои взгляды.

3. Группа в составе СССР, Соединенных Штатов, Великобритании и Китая должна обладать полномочиями принимать немедленные меры в случае угрозы миру и в любых других непредвиденных ситуациях. Президент проиллюстрировал это положение на таком примере: если бы этот механизм существовал в тот момент, когда Италия напала на Эфиопию, он мог бы закрыть Суэцкий канал.

Сталин усомнился в том, что союз четырех стран сможет обеспечить спокойное существование. По его мнению, европейские государства будут возмущены тем, что Китай получит возможность оказывать на них давление, и, в любом случае, Китай не

оформится к концу войны в мощную державу. Сталин предложил в качестве альтернативы создать Европейский и Дальневосточный комитеты, включив в состав обоих представителей Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза. Рузвельт вспомнил, что Черчилль предлагал практически такую же идею: три региональных комитета (третий в Америке).

Президент сомневался относительно того, что американский конгресс согласится на участие американцев в Европейском комитете, который, возможно, будет настаивать на отправке американских войск в Европу. Сталин обратил внимание президента на то, что СССР, США, Великобритания и Китай также могут настаивать на отправке американских войск в Европу. На это президент ответил, что в случае угрозы миру он готов будет отправить в Европу только самолеты и корабли, а Советский Союз и Англия должны будут командовать сухопутными войсками.

Сталин объяснил – для него основной интерес заключается в том, чтобы обрести уверенность, что будущая организация будет способна не допустить возрождения Германии. Он пока не думал всерьез о необходимых мероприятиях, но потребуется „нечто более серьезное, чем организация, предложенная президентом“. Сталин вернулся к договоренностям, о которых Рузвельт несколько месяцев назад напомнил Идену: международная организация, за исключением той, что будет уполномочена принимать решения, должна управлять „опорными пунктами“, расположенными не только на территории Германии и Японии, но и вблизи их границ и даже дальше. Рузвельт одобрил эту идею. На следующий день за завтраком с Иденом и Гопкинсом Молотов подробнее остановился на предложении Сталина. Поскольку Франция, по его мнению, не хочет защищаться, она могла бы уступить территории, такие, как Бизерта и Дакар, которые перешли бы под управление Соединенных Штатов и Британии. Идеи ответил, что такой шаг следует тщательно взвесить; возможно, Франция могла бы сделать вклад, разместив на своей территории базы, находящиеся под контролем Объединенных Наций, но это должно быть сделано таким образом, чтобы не была затронута национальная гордость. Гопкинс объявил о желании Соединенных Штатов разместить военно-морские и авиационные базы в Тихом океане, на Филиппинах, на Тайване и, возможно, частично в Японии, передав их под мандат островов. Но президент не был уверен, что это удастся осуществить; Соединенные Штаты не посягают на суверенитет этих регионов. Можно сказать, что все было весьма туманно; никто не представлял, какие следует выбрать места, как должен осуществляться контроль, кто даст все необходимое, обеспечит людскими ресурсами и будет управлять ими.

Рузвельт, похоже, колебался между различными нечетко сформулированными возможностями. В частной беседе со Сталиным, состоявшейся 1 декабря, он заметил, что, по его мнению, преждевременно рассматривать в Тегеране предложения относительно всемирной организации, которую он вкратце обрисовал Сталину. Концепция небольших организаций, обеспечивающих порядок, требует дальнейшего изучения. В ходе беседы Сталин сообщил Рузвельту, что изменил мнение и согласен, что организация должна быть международной, а не региональной. Рассмотрение этой темы было отложено до будущих времен, поскольку каждый из них должен был тщательно изучить все проблемы, которые могли возникнуть по ходу дел. К примеру, что может произойти, если четыре страны, составляющие контролирующий орган, не найдут общего языка?

Недопонимание, наиболее вероятно, может возникнуть в связи с территориальными вопросами. В Тегеране Сталин говорил по крайней мере в отношении нескольких требований, которые собиралось предъявить советское правительство. Я уже рассказывал о притязаниях на Дальнем Востоке. В Европе советское правительство добивалось, во-первых, признания за Советским Союзом всех территорий, которые он получил в период сотрудничества с Германией и которые перечислялись в связи с обсуждениями англо-советского соглашения; во-вторых, передачи СССР части Восточной Пруссии, выходящей на побережье Балтийского моря, включая Кенигсберг, и, в-третьих, присоединения к

СССР части Финляндии, расположенной в непосредственной близости от Ленинграда.

Отсюда следует, что позиция советского правительства в отношении территориальных вопросов, как выяснилось в Тегеране, заключалась в том, чтобы потребовать все, что хотелось; при этом Соединенные Штаты и Великобритания должны были получить то, что хотели, но, естественно, не то, на что претендуют русские. Так что, несмотря на утверждения, что советское правительство придерживается Атлантической хартии, действовало оно по своим собственным правилам.

В противоположность России подход американского правительства отличался добродетельностью, но был весьма неэффективен. Американцы исповедовали справедливые принципы управления и стремились избежать ответственности за любые территориальные соглашения военного времени. По этой причине они пытались уговорить своих партнеров оставить территориальные вопросы, когда не придется принимать во внимание военные проблемы.

Подход британского правительства отличался большей гибкостью, обращая внимание на те пожелания советской стороны, которые основывались на безопасности, были связаны с историческим прошлым страны или имели под собой какое-то другое безусловное обоснование. Как вы помните, в беседе трех глав правительств, проходившей во время завтрака 30 ноября, Черчилль высказал мнение по вопросу доступа в порты теплых морей. Он заметил, что крайне важно, чтобы государства, которые будут управлять послевоенным миром, не имели территориальных и других притязаний. Если великим державам удастся урегулировать эти вопросы приемлемым образом, то, как ему кажется, на земле действительно наступит мир. В связи с этим советские требования в отношении западных границ не вызвали возражений со стороны премьер-министра. Но относительно других территориальных притязаний, где, по его мнению, советское присутствие будет выглядеть не иначе, как неоправданное вторжение, – в Западной Европе, на Ближнем Востоке и на Африканском побережье – британское правительство выступит категорически против. Кроме того, Черчилль и Идеи были обеспокоены тем, что территориальные притязания советской стороны могут превратить Европу в огромное скопище небольших зависимых государств – „распыленную“ Европу. Дабы не допустить такого положения, в Тегеране искали пути возможного объединения малых государств – в союзы, федерации, союзы.

Разработка планов военных операций была завершена; Рузвельт, Черчилль и Сталин пытались выработать соглашение в отношении того, что делать с Германией после окончания войны. Становилось ясно, что все обещания, исходившие из Москвы, будто немецкий народ и армия не пострадают, если свергнут Гитлера, были всего лишь тактическими уловками.

В Тегеране в личных беседах Сталин с гневом говорил о том, что пришлось вынести советским людям; он был твердо убежден, что немецкое государство найдет способ возродиться, если только не будет разбито вдребезги. Черчилль, похоже, разделял его чувства, но боялся, как бы они не стали управлять рассудком. Кроме того, он опасался, что с падением Германии Советский Союз займет главенствующее положение в Европе. Рузвельт, подобно Сталину, считал необходимым жестоко наказать Германию.

Руководители государств утвердили все планы относительно безоговорочной капитуляции Германии, уничтожения нацизма и осуществления строгих мер надзора, рассмотренные министрами иностранных дел. Сталин заявил, что считает все эти меры „очень важными, но недостаточными“. На следующий день, разговаривая с Рузвельтом, Сталин обронил, что, по его мнению, Черчилль, как и он, рассчитывал на то, что Германия будет находиться под контролем. Уверенность Сталина в том, что британский партнер на самом деле не рассчитывает на то, что Германия перестанет представлять угрозу для мира, усилилась благодаря разногласиям, возникшим в тот же день на заседании, посвященном военным планам. Вечером того же дня на обеде Сталин поддразнивал, можно даже сказать, насмеялся над Черчиллем. Несколько его замечаний можно было понять так, что

премьер-министр будто бы испытывает тайную привязанность к Германии. Сталин повторил, что если в отношении Германии не будет предпринято жестких мер, то она сможет подняться за десять-пятнадцать лет, чтобы погрузить мир в новую войну. Он убеждал, что, по крайней мере, необходимо принять еще две меры помимо тех, что они уже обсудили.

В беседе Сталина с президентом относительно будущей всемирной организации шел разговор о том, что они трое должны иметь право распоряжаться важными стратегическими объектами на тот случай, „если Германия шевельнется“, чтобы тут же ее остановить». Это первая дополнительная мера, а вторая заключается в том, что следует уничтожить по крайней мере пятьдесят, а может, и сто тысяч высших немецких чинов.

Вот как вспоминает Черчилль об этой беседе в записке от 19 апреля 1944 года к заместителю министра иностранных дел Кадогану: «Сталин говорил о казни огромного количества, свыше пятидесяти тысяч человек, штабных офицеров и военных экспертов. Затрудняюсь сказать, шутил ли он или говорил всерьез. Царила обстановка мрачного веселья. Сталин также заявил, что потребует на неопределенный период четыре миллиона немецких мужчин на работы по восстановлению России».

Черчилль активно возражал против того, что он называл хладнокровным убийством солдат, сражавшихся за свою страну. Будет справедливо, если военные преступники, заявил премьер-министр, совершившие варварские деяния, предстанут перед судом, но он выступал категорически против наказания людей в политических целях.

На следующий день, 1 декабря, «Большая тройка» вернулась к теме, которую месяц назад обсуждали министры иностранных дел: стоит ли разделить Германию на несколько государств. Сталин уверенно высказался в пользу такого решения. Взвесив все «за» и «против», Рузвельт согласился со Сталиным. Черчилль сказал, что в принципе он не против, но все-таки более заинтересован в отделении Пруссии, которая, по его мнению, является центром немецкого милитаризма.

Тогда Рузвельт предложил план, который он какое-то время назад придумал, но к которому все еще мысленно возвращался. Германия может быть разделена на семь частей; пять будут действовать самостоятельно, а две будут находиться под управлением Объединенных Наций или под каким-либо другим видом международного управления. Можно организовать что-то вроде особого района, который будет включать зону Кильского канала и бывшие ганзейские города – Бремен, Гамбург и Любек; а над Рурской и Саарской областями может быть установлена международная система опеки.

Черчилль предложил альтернативный план. Пруссия отходит от Германии. Южные земли (Бавария, Баден, Вюртенберг, Саксония) отделяются и становятся частью конфедерации Дунайских государств. Когда Черчилль поинтересовался у Сталина, как ему нравится эта идея, Сталин поднял его на смех. Он заявил, что все немцы одинаковы и дрались как дьяволы и ему пришелся по душе план президента, поскольку есть вероятность, что с его помощью удастся ослабить Германию. Он особо подчеркнул, что категорически против объединения даже части Германии в конфедерацию, поскольку тем самым немцы получают прекрасную возможность для возрождения сильного государства. Рузвельт согласился с утверждением, что все немцы агрессивные и стойкие воины, но, по его мнению, управлять ими в пределах небольших союзов будет вполне возможно.

Черчилль тут же возразил. Если Германия будет разделена на небольшие независимые части и они не войдут ни в какие союзы, то рано или поздно они воссоединятся и бросят вызов своим противникам. На что Сталин ответил: «Нет, Россия не допустит этого». Тогда Черчилль решил высказаться против курса, поддерживаемого Сталиным и Рузвельтом.

Он поинтересовался у Сталина, не собирается ли тот разделить всю Европу на небольшие государства, слабые и обособленные. Сталин ответил, что даже не рассматривал такой вопрос, и добавил, что только Германия должна быть разделена, а другие страны – нет, «например, Польша, станет сильным государством, так же как

Франция и Италия...». Такой ответ мог бы показаться убедительным, если бы во время других переговоров он не упрекал Францию за слабость и не поносил бы польское правительство в Лондоне за амбициозные представления о том, какое положение Польша могла бы занимать в Европе.

Это оживленное размахивание ножами над «телом» Европы закончилось без каких-либо определенных выводов относительно того, стоит ли, а если стоит, то когда начинать резать. Договорились, что Европейский консультативный совет должен продолжить изучение вопроса с того места, на котором члены его остановились.

Через несколько дней после окончания конференции один из представителей американской делегации сделал вывод, что одобренный Сталиным и Молотовым стратегический курс, принятый в Тегеране, может означать: «Германия должна быть разгромлена и оставлена в таком состоянии. Государствам Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы будет запрещено объединяться в какие-либо федерации или ассоциации. Франция будет лишена колоний и стратегических баз, расположенных за ее границами. У Польши и Италии останется практически их нынешняя территория, но сомнительно, что им будет разрешено содержать сильную армию. В результате Советский Союз окажется единственной мощной военной и политической силой в Европе».

В это время и Рузвельта, и его военных советников не покидали мрачные предчувствия.

Во-первых, они находились под впечатлением того, что Сталин действительно хотел, чтобы весь мир крутился вокруг его страны. А во-вторых, Сталин, по всей видимости, действовал скорее в интересах России, чем был озабочен делами международного коммунизма. Они заметили, что маршал почти всегда говорил «мы, русские», или «Россия сделает так», или «Россия сделает эдак». Он довольно пренебрежительно относился к делу и перспективам международной революции, советуя не бояться этого события. А во время обсуждения того, хочет ли Россия диктовать соседним государствам форму социального и политического устройства, Сталин сказал: «Нас это не волнует. Мы создаем не что-нибудь, а коммунистическую систему».

Возможно, существовала и еще какая-то причина, помимо проблем, связанных с размерами территорий, границами и сравнительной мощностью европейских государств. Если бы три основных члена военной коалиции сотрудничали в новой международной политической организации, такие вопросы можно было бы отрегулировать, но если бы они ссорились и оказались не в состоянии следовать спасительной цели, Европу ожидало бы мрачное будущее. Как бы они ни сошлись во всех вопросах на данный момент. По окончании конференции в Тегеране такие мысли витали в воздухе.

Совместная работа «Большой тройки» в течение нескольких дней, впервые проведенных вместе, была отмечена усилиями Рузвельта склонить Сталина на свою сторону, упорными попытками Черчилля добиться признания собственной стратегии и грубостью Сталина.

Отношения между членами «Большой тройки» колебались в зависимости от хода течения дискуссий. Рузвельт всячески старался установить близкие, доверительные отношения со Сталиным, позволяя себе даже иронические замечания в отношении некоторых идей Черчилля. Сталин отвечал взаимностью. Он обращался к Рузвельту как к старейшине, уважительно. Казалось, ему не терпится узнать, о чем думает президент и доволен ли тем, что узнал.

Черчилль и Сталин были более откровенны друг с другом. После ссоры, возникшей в первый визит Черчилля в Москву, у них вошло в привычку довольно откровенно обмениваться мнениями и добродушно спорить по различным вопросам. Лишь однажды в Тегеране между ними произошел яростный спор. Это случилось 29-го числа, во время обеда, на котором, как рассказывали, Сталин решил вывести премьер-министра из себя. Сталин зашел слишком далеко, заявив, «...что было бы ошибкой думать, будто русские настолько просты, что не видят того, что находится у них перед глазами». Черчилль

категорически отменил это обвинение, не переходя на личности. Президент отделался шуткой.

После того как «Большая тройка» решила, о чем можно договориться, а что следует пока отложить, противоборство и недоверие уступили место удовлетворению достигнутому и дружескому согласию между ними и их странами. Тосты, которыми лидеры обменивались во время обеда (30 ноября), последовавшего вслед за тем, как были достигнуты соглашения по стратегическим планам, передают охватившие всех чувства. Черчилль представил Рузвельта как человека, посвятившего всю свою жизнь защите слабых и обездоленных и поддерживающего великие принципы демократии, лежащие в основе цивилизованного мира. Что касается Сталина, так он был удостоен чести быть названным одной из величайших фигур российской истории и заслужил титул «Великий Сталин».

Сталин ответил, что почести следует воздавать не ему, а русским людям, а он просто руководит этими людьми. Заканчивая тост, Рузвельт выразил надежды на возрождение лучшего мира. Впервые на небе можно различить радугу – вечный символ надежды, сказал президент, – радугу, символизирующую результат, достигнутый конференцией в Тегеране.

Каждый из тройки осознавал согласованность намерений сторон. Лидеры великих государств чувствовали удовлетворение от проделанной общего дела работы. Совместное заявление, опубликованное 6 декабря, когда они были уже на пути домой, еще представляло собой документ, вобравший в себя их надежды и чувства. Они переписали вступительное предложение, поскольку в первоначальном проекте оно звучало не слишком позитивно: «Мы решительно утверждаем, что наши народы должны действовать сообща в военное и в мирное время».

В других разделах говорилось следующее:

«Достигнутое нами взаимопонимание будет являться гарантией нашей победы».

«Мы уверены, что наше соглашение создаст прочный мир. Мы полностью осознаем высшую ответственность, возложенную на нас и на Объединенные Нации, выстроить мир, который будет управляться доброй волей подавляющего большинства народов мира и избавит многие поколения от ужасов войны».

«Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью и оставляем здесь настоящих друзей, сторонников по духу и по стремлениям».

Личные заявления, сделанные каждым по окончании конференции, находились в гармонии с совместным заявлением. Кто может усомниться в словах Рузвельта, произнесенных им перед американскими войсками, размещенными в Като-Амирабаде, недалеко от Тегерана: «Я прибыл сюда четыре дня назад, чтобы встретиться с главой Советской России и премьер-министром Англии и попытаться решить два вопроса: согласовать военные планы совместных действий трех государств, рассчитанные на возможно быструю победу в войне, и обговорить мирные условия – попытаться спланировать такой мир для нас и наших детей, в котором был бы положен конец войнам. И я считаю, мы весьма преуспели в этом».

Пожалуй, он никогда больше не испытывал такой уверенности в своих словах. Оглядываясь на решения, принятые на конференциях в Москве, в Каире, в Тегеране и снова в Каире, президент убеждался, что многие из них являются крайне важными.

В военной сфере к ним можно было отнести стратегические планы, разработанные для Европы («Оверлорд» и «Энвил», кодовое название предполагаемой высадки в Южной Франции), и планы операций в Тихом океане, подтвержденные советским обещанием вступить в войну на тихоокеанском театре военных действий; в сфере общеполитических вопросов – подписание Декларации четырех и выработку стратегического курса для Италии; Каирскую декларацию в отношении Японии и Китая, соглашение по

обеспечению безопасности Ирана, договоренности сохранить независимость Австрии и Финляндии, отсрочку решений в отношении Польши (о чем я вскоре коротко расскажу). Кроме того, были обозначены намерения в части формирования и совместной деятельности в постоянно действующей организации по сохранению мира.

Взгляды Черчилля были более приземленным, но все же достаточно радужными. Вспоминая впоследствии свои ощущения после Тегерана, он писал: «Лично я был доволен. Нам удалось оценить ситуацию на всем театре военных действий, поскольку обсуждение проходило в дружеской атмосфере и едином понимании ближайших целей».

Вероятность того, что некоторые возникающие политические вопросы способны возбудить серьезные проблемы, казалась незначительной и относилась скорее к разряду теоретических.

Сталин, похоже, был доволен не меньше, чем Рузвельт; у него тоже было много причин для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным. Советскому правительству было дано твердое обещание, что в течение нескольких месяцев Запад осуществит вторжение на континент. Сдвинулся с места вопрос относительно территориальных требований. Предоставилась удобная возможность решить, какие преимущества можно получить в связи с обещанием о вступлении в войну на тихоокеанском театре.

Во всяком случае, советские средства массовой информации восторженно комментировали результаты встречи. Пресса прямо-таки захлебывалась от похвал. На заводах, фабриках и в различных государственных учреждениях прошли митинги, на которых политинформаторы объясняли значение совместного заявления, принятого в Тегеране. На этих митингах часто задавался один и тот же вопрос: «Мы и раньше слышали, что скоро должен открыться второй фронт. Когда же это произойдет?», на который следовал интересный ответ: «Сталин оставил Россию, чтобы присутствовать на конференции, а это означает, что на сей раз вопрос решен окончательно».

Отвечая на послание Рузвельта в день опубликования совместного заявления, 6 декабря, Сталин написал: «Теперь существует уверенность, что наши народы будут действовать сообща и в настоящее время, и после окончания войны». В конце послания он выражал надежду, что «встреча в Тегеране не может считаться последней, и мы вновь увидимся».

Первое обращение Рузвельта Сталину, после отъезда из Тегерана, датировано 3 декабря и, вероятно, отправлено из Каира. В совместном послании от 6 декабря Рузвельт и Черчилль сообщили Сталину результаты каирской встречи. Сталин ответил в тот же день. После этого Рузвельт попросил Гарримана передать Сталину запечатанное письмо. Гарриман, не ознакомленный с содержанием письма, передал его Сталину 18 декабря. 21 декабря в ответном сообщении Сталин подтвердил получение письма и, кроме того, в частности, написал: «Я рад, что судьба предоставила мне случай оказать Вам услугу в Тегеране. Я также придаю важное значение нашей встрече и переговорам...» О содержании письма Рузвельта я могу только гадать.

Ежедневный обмен любезностями вскоре должен был подвергнуться испытанию на прочность. Выяснилось, что запросы советской стороны возросли. Советская пресса опять повела кампанию против союзников. Официальные лица, казалось, обрели прежнюю решимость в отношении вопросов, связанных с соглашениями о совместных действиях в военных операциях и поставками по ленд-лизу. Они предъявляли претензии в отношении выполнения обязательств союзниками, но были глухи к просьбам американской стороны. Уже в январе 1944 года Гарриман опять начал жаловаться на то, сколько сил и терпения необходимо, чтобы иметь дело с русскими. Его чувства нашли отражение в послании от 22 января, адресованном Черчиллю, в котором он поздравлял премьер-министра с благополучным возвращением в Британию из Карфагена, где тот перенес серьезное заболевание, и, кроме того, написал: «Русский медведь много требует, да еще и кусает руки, которые его кормят».

На основании сообщений, периодически появлявшихся в печати, сотрудники

американского посольства в Москве сделали вывод, что «влиятельные лица в партии и правительстве, относящиеся с подозрением к иностранному влиянию, включая НКВД и некоторые изоляционистские круги, встревожены всенародным энтузиазмом по поводу международного сотрудничества, явившегося результатом Московской и Тегеранской конференций, и призывают соблюдать осторожность».

Ни одна из проблем, обсуждавшихся на конференции, не была столь серьезной, как польская проблема, оказавшая влияние на все народы и государства Центральной Европы.